

смыслъ, остатками старины, мракъ которыхъ нисколько не подавляетъ и не тушитъ свѣта христіанскаго ученія“ (стр. 407—408). Выводъ автора остается, однако, слишкомъ неопредѣленнымъ и не доведеннымъ до конца, такъ сказать, чисто книжнымъ. Напримѣръ, „процессъ переработки“ религіозныхъ понятій народа не выясненъ авторомъ съ достаточной точностью и выведенъ больше теоретически съ помощью извѣстной книги Аванасьева; а народное міровоззрѣніе слишкомъ тѣсно опредѣляется печатными сборниками пѣсенъ и другихъ произведеній народной поэзіи. Не говоря о томъ, что эти сборники еще не полны (до сихъ поръ, напр., не восполнены ими тѣ пробѣлы, которые остались въ изданіи пѣсенъ Кирши Данилова), народное міровоззрѣніе опредѣляется, кромѣ поэзіи, *отъ-стѣпительной жизнью*, существующимъ обычаемъ и житейской практикой, и еслибы авторъ принялъ въ соображеніе эти послѣдніе, его заключеніе было бы болѣе реально и болѣе близко къ истинѣ. Напримѣръ, самъ авторъ не однажды говоритъ о слишкомъ вышнемъ пониманіи народомъ христіанскихъ ученій или сказаній, и въ то же время онъ находитъ это пониманіе „истиннымъ“ и „глубокимъ“, что выходитъ противорѣчиво. Извѣстно, какъ еще въ древней Руси было распространено чисто вышнее благочестіе, привязанность къ обряду; не знаемъ, можно ли такое формальное благочестіе, сводящее религію къ обряду, назвать истиннымъ пониманіемъ христіанства, когда и на самомъ дѣлѣ съ этимъ вышнимъ благочестіемъ могла мириться крайняя грубость и даже распущенность нравовъ.

Авторъ самъ указываетъ не одинъ разъ, что религіозныя представленія русскаго народа почерпались не только изъ подлинныхъ источниковъ христіанскаго вѣроученія, но и изъ источниковъ довольно мутныхъ, каковы были напр. апокрифическія сказанія; но онъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что народное пониманіе остается правильнымъ. „Нужно сказать,—говоритъ авторъ,—что перевираемые (?) народомъ библейскіе факты — въ большинствѣ—факты, не имѣющіе слишкомъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ вѣры. Если напр. Бога народъ представляетъ съ вышней стороны нѣсколько въ грубыхъ чертахъ, то дѣятельность и промышленіе Божіе онъ понимаетъ уже глубоко. Если народъ перевираетъ (?) исторію происхожденія міра и первыхъ людей, то онъ все-таки знаетъ, что міръ не самъ какъ-нибудь произошелъ, а созданъ Богомъ. Перевирание (?) библейскихъ фактовъ говоритъ не о языческомъ состояніи народа, а о его дѣтскости еще въ христіанствѣ“ (стр. 404). Но рѣчь идетъ здѣсь не объ язычествѣ народа, а о томъ, насколько „дѣтскость“ можетъ соединяться съ „глубокимъ“ пониманіемъ религіи. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 391) авторъ замѣчаетъ, что „если библейскій образъ дьявола